

Порой за счастье нужно бороться с самим собой.

Из жизни
Мэри,
в девичестве
Поппинс

Роман

ВЕРА
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова

Из жизни Мэри, в девичестве

Поппинс (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885236

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс : [повести] / Вера Колочкова:

Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78099-0

Аннотация

Не успела Катя обрадоваться последним своим каникулам, как узнала печальные новости – от сестры ушел муж, оставив ее с тремя маленькими детьми. И пришлось Катерине все лето быть нянькой при своих племянниках. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – девушка познакомилась с Гришей, сыном соседки, отзывчивым и веселым парнем. И стали ребята строить планы, чем можно помочь Катиной сестре, как ей мужа хорошего найти... Старшие сестры смеялись над ребятами поначалу, но ой как зря, знали ведь, что Катерина – девушка с боевым характером!

Ранее книга выходила под названием «Няня ищет мужа».

Содержание

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс
Конец ознакомительного фрагмента.

5
71

Вера Колочкова
Из жизни Мэри,
в девичестве
Поппинс (сборник)

© Колочкова В., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

«Ура! Свобода! Наконец-то каникулы... Целых три летних месяца впереди! Здорово как...» – легкомысленно пропела про себя Катя и подпрыгнула на ходу, пытаясь зацепить ветку сирени. Нет, не получилось. Бросив сумку с книжками в траву, снова подпрыгнула и уцепилась-таки за прохладную гроздь, подтянула тяжелую ветку, отломила небольшой отросток. Выскользнувшая из рук ветка тут же пружинисто и возмущенно рванулась вверх, словно не желая больше отдавать ни грамма кудрявой пахуче-нежной красоты. «А мне больше и не надо, чего ты... – вежливо извинилась перед ней Катя. – Мне для полного счастья и этой маленькой веточки хватит. Каникулы у меня! Понимаешь? Последние мои школьные каникулы...»

Сиренью зарос весь их маленький двор, примыкавший к старому трехэтажному кирпичному дому довоенной еще постройки. Ее ненавязчиво-мещанский аромат, смешиваясь с доносящимися из открытых окон запахами жарящейся картошки с луком и ядреных борщевых приправ, создавал почему-то необыкновенное ощущение ясности и простоты жизни, понятной и повседневной ее прозрачности и некоего даже счастья... А кто сказал, что счастье не может пахнуть жа-

реной картошкой с луком? Особенно в теплых майских сумерках, особенно в сиреновом дворе родного дома, где прошло твое детство...

Подняв из травы сумку с книгами, Катя весело перекинула ее через плечо и быстро пошла к своему подъезду – дома Соня ее заждалась, наверное.

– Катюш, ну где ты так долго? Я и ужинать не сажусь – тебя все нет и нет...

– Да мы с девчонками на дальний пруд ходили!

– Зачем?

– А проверили, можно там купаться или нет. Завтра же у меня каникулы начинаются, Сонь! Ох уж и накупаюсь!

– Вот и не знаю, придется ли тебе купаться-то, Кать. Неприятности у нас большие. Леночка звонила...

– А что такое? С детьми что-то? – испуганно обернулась к ней Катя.

– Нет, с ребятами все в порядке.

– Уф, слава богу! А что тогда?

– Да бросил ее этот придурок! Муж так называемый... Садись давай ужинать быстрее, я расскажу.

Катя прошла из маленькой прихожей в комнату, скинула с себя и бросила на кровать юбку и белую школьную блузку, натянула старенький ситцевый халатик. Пошла было на кухню, но, встретив на пути мамин взгляд, улыбающийся ей укоризненно с большого портрета на стене, круто развернулась, достала из шкафа плечики и, торопливо расположив

на них свою одежду, так же торопливо засунула ее в шкаф. «Видишь, я хорошая девочка...» – улыбнулась она в сторону портрета. Показалось, что и мама ей тоже улыбнулась. Как всегда, впрочем...

– Сонь, а как это – бросил? – заходя на кухню и садясь за покрытый клетчатой клеенкой стол, возмущенно спросила Катя. – С тремя детьми мал мала меньше разве бросают? Ты что, Сонь, так не бывает...

– Бывает, Катюшка, бывает, – грустно вздохнула Соня, ставя перед ней тарелку с рассыпчатой гречневой кашей и одиноко пристроившейся сбоку бледной молочной сосиской. – Говорила я ей – ненадежный он человек, трусовато-хлипкий какой-то... Вот тебе и пожалуйста! И как она теперь одна с детьми справится?

– Ну да... А что она? Плачет?

– Ну конечно, плачет. Ты же знаешь нашу Леночку. Сидит вся, горем убитая. А самое интересное – с понедельника детсад на ремонт закрывают. Обидно, Тонечка только-только начала привыкать... И на работе ей отпуска не дадут – она недавно совсем устроилась. Это еще за то спасибо, что взяли на хорошее место с тремя малыши детьми!

– Сонь, так давай ребят на лето к себе заберем, а?

Я же на каникулах!

– Да я сначала тоже об этом подумала... Только знаешь, нельзя ее там одну оставлять, изведется совсем. Она ж над детьми трясетя, как курица-наседка! В общем, придется те-

бе, Катюшка, свое последнее лето в няньках провести. Вот прямо завтра с утра и поезжай к ней, чтоб к понедельнику успеть! Я б и сама поехала, да отпуск все равно не дадут – годовой отчет на носу.

Соня вздохнула, поковыряла вилкой гречку, задумалась.

– Даже есть не хочу, Кать! Целый день на работе ничего не ела, и не хочу. Прямо как обухом по голове ударили! Ну вот скажи – что это за мужик такой? Злой, капризный, детей совсем не любит... Да лучше век в девках вековать, чем с такой сволочью жить.

– Да ладно тебе! – с трудом проговорила Катя набитым кашей ртом. – Подумаешь, горе! Другого найдет!

– Да, Катюшка. В твоём возрасте все море по колено! И я вот такая же была, пока с вами одна не осталась...

Уже ночью, лежа в постели, Катя и сама тихонько, чтоб не услышала Соня, всплакнула в подушку – так Леночку жалко... Такая она у них сирота безответная – никогда себя защитить не может. Это она в маму, наверное... Они-то с Соней точно в отца пошли – уж умеют за себя постоять. Почему-то Катя была уверена, что характер ей достался именно отцовский, да и внешность тоже, если судить по большой, увеличенной в несколько раз фотографии, вставленной в красивую рамку и висящей над ее кроватью вместе с портретом матери.

Ей ровно год был от роду, когда родители погибли, оставив старшую дочь, двадцатитрехлетнюю Соню, с восьмилет-

ней тогда еще Леночкой и с ней, с Катей, совсем еще, получается, крохой на руках. Довольно глупо погибли – сами на встречу смерти полетели. Соня рассказывала – как получили письмо из детдома с приглашением на встречу выпускников, так ни минуты не сомневались – решили обязательно лететь в тот далекий, богом забытый сибирский городок. И ее, маленькую, хотели с собой взять, потому как грудная еще была. А Соня не дала – поезжайте, говорит, сами по себе, отдохните от нас. Вот и отдохнули... Разбился их самолет над сибирской тайгой – никого в живых не осталось. И пришлось бедной Соне перекраивать свою жизнь, то есть быть сестренкам и мамкой, и нянькой. Благо, что эту квартиру в их военном городке навсегда им отдали, как детям погибшего офицера, а то б куда она с ними делась, родственников-то – никого. И ничего, что однокомнатная. Им и втроем места в ней всегда хватало. Тем более Леночка после школы в другой город уехала, в институт поступила, а потом сразу на втором курсе замуж выскочила.

А чтобы после гибели родителей их по детским домам распихать – Соня к себе такой мысли и близко не подпускала. Хватит того, что мама с папой в детдоме росли... Как определили их туда в пятилетнем возрасте, так они и не расставались никогда, до самой своей смерти. И любовь у них такая была, что все кругом завидовали. Соня с самого ее сиротского малолетства вместо положенных на ночь детских сказок только про маму-папу и рассказывала – какие они

хорошие были, да как дружили, да как потом поженились, да как мечтали себе много-много детей завести... А чем не сказка? Такая любовь, как у них, только в сказках и бывает. И ничем она не хуже Иванушкиной-Аленушкиной...

Катя, когда говорить начала, Соню мамой называть стала. Потом, чуть позже, – мамой Соней. У нее и звучало одним длинным словом: Мамасоня. С тех пор так и привыклось – Мамасоня да Мамасоня...

– Эй, котенок, ты чего так сопишь подозрительно? Плачешь, что ли? – подняла вдруг с подушки голову Соня.

– Нет... – шмыгнув носом, промычала Катя.

– Да я же слышу... Ехать не хочешь, может?

– Хочу-у-у... Просто мне Ленку жалко...

– Да мне и самой жалко, Катюш! Но что теперь сделаешь? Мне вот он сразу не к душе пришелся, Толик этот, когда она его знакомиться привозила. А потом, когда близнецы родились, я уж и смирилась... Что ж, думаю, раз двое детей сразу... А потом еще и Тонечка на свет появилась! Ленка так радовалась тогда... Помнишь, как сказала? Хочу, говорит, чтоб у меня тоже трое детей было, как у мамы с папой... Вот так сама и сказала – не у нас с Толиком, а у меня... Так теперь и оказалось...

Соня всхлипнула вдруг и тоже расплакалась, уткнувшись в подушку, горестно заходила полными плечами. Катя, подскочив на кровати, тут же кинулась к ней, обхватила за голову и, развернув к себе Сонино лицо, начала покрывать быст-

рыми поцелуями мокрые от слез ее щеки:

– Мамасоня, ну что ты! Не надо, не плачь... Вот еще, будем мы из-за него плакать! Не справимся, что ли? Если что – к себе ее заберем, все вместе вырастим и Сеньку, и Веньку, и Тонечку.

– Да справимся, конечно, Катюш... Не о том я плачу... Просто я ж хотела, чтоб вы обе счастливы были! Чтобы образование получили, чтобы семьи у вас были хорошие. Раз на меня с двумя детьми на руках никто не позарился, вот я и хотела, чтоб у вас все хорошо сложилось, вроде как в компенсацию. Леночка-то поторопилась замуж... Что ж это – на третьем курсе уже родила! Хоть институт окончить удалось – и то слава богу. Специальность у нее хорошая, худо-бедно прокормится. Да и я всегда помогу... А ты на ее ошибках учишься, Катюшка!

– Мамасоня, ну какие такие у Ленки ошибки? Да ну его вообще, этого ее Толика... Не плачь! Лучше расскажи мне сказку про маму-папу...

– Ой, ты что, маленькая, что ли? – рассмеялась сквозь слезы Соня. – Семнадцать лет девке, а она все сказку просит. И не стыдно тебе?

– Нет... Ни капельки... – устраиваясь под ее теплый бок, сонно проговорила Катя. – Давай, начинай.

– Ну ладно, слушай. Да и засыпай быстрее – утром тебе рано на поезд вставать. И в поезде смотри не выходи на остановках... Вообще, страшно мне тебя одну отпускать, да что

делать? – вздохнула протяжно Соня, накрывая ее одеялом и проводя рукой по густым рыжим волосам. – Ну вот, значит жили были мальчик с девочкой, и не было у них мамы и папы...

* * *

Сойдя ранним утром с поезда и выйдя на привокзальную площадь, Катя обнаружила вдруг, что совершенно не помнит ни номера автобуса, идущего в сторону Лениного дома, ни названия остановки, на которой ей надо выходить. А там еще где-то и пересадку делать надо... И немудрено, что не помнит – одна к Лене никогда не ездила, всегда вместе с Соней. «Вот ворона!» – ругнула она себя коротко. И звонить Лене в такую рань не хотелось – всех детей переполошит. И Соне тоже не хотелось. Соня ее как взрослую от себя отпустила, а тут вдруг звонок – заблудилась, мол... Нет уж. Сама доберется. Язык, он и до Киева доведет.

Она долго выясняла у двух разговорчивых старушек, как же ей все-таки доехать до улицы Комсомольской. Старушки охотно взялись за объяснения, но довольно специфически – отправляли ее в абсолютно противоположные стороны. Они даже повздорили между собой, при этом каждая стойко и до конца отстаивала именно свою версию Катиного маршрута. В конце концов Катя отошла от них и обратилась за помощью к девушке, которая быстро назвала ей номера нужных

автобусов и даже название остановки сумела воспроизвести из невразумительных Катиных пояснений: «...там вроде бы универсам есть и еще несколько серых таких домов в ряд стоят...» Что ж, и правда – язык до Киева довести может.

Лена открыла ей дверь и тут же бросилась на шею – бледная, глаза опухшие...

– Ой, Катька! Как же я соскучилась! Как здорово, что ты приехала! Мне же через пятнадцать минут на работу убегать надо! Посидишь с ребятами, ага? Ой, какая же ты умница... А как похорошела-то! Прямо девица взрослая совсем.

Тут же с визгом кинулись ей в ноги Сенька с Венькой – обожаемые белобрысые близнецы. Один вцепился в правую Катину ногу, другой – в левую.

– Ой, уроните же! – смеясь, наклонилась к ним Катя. Обняла одного, обняла другого, прижала к себе – обычная счастливая суматоха.

– Венечка, Сенечка, тише, пожалуйста! Не кричите так – Тонечку разбудите, – суежилась вокруг них Лена. – Катенька, пойдем, я тебе все покажу-расскажу.

Лена, на ходу одеваясь, протараторила про сваренную манную кашу, про ключи в прихожей на гвоздике, про деньги, хранящиеся в восьмом томе собрания сочинений Чехова, про шортики-маечки-колготки, чмокнула Катю в щеку и умчалась на работу, погрозив ласково близнецам пальцем – чтоб тетю Катю слушались!

– Ну? – закрыв за ней дверь, развернулась Катя к Сеньке с

Венькой. – Хозяйничать будем? Я смотрю, вы еще и не умывались.

– Умывались! Умывались! – в один голос завопили мальчишки, разбегаясь от нее в разные стороны.

– Так. Вперед в ванную! Шагом марш, быстро! – подхватив их под мышки, командовала Катя. – А потом на кухню – завтракать будем.

Посадив мальчишек за стол и поставив перед ними тарелки с манной кашей, она тихонько заглянула в комнату и тут же расплылась в радостной улыбке: Тонечка, проснувшись, стояла в своей кровати, уцепившись ручками за решетку, смотрела на нее удивленными глазками-пуговками. «Какая большая стала...» – подумала Катя, подходя к ней и ласково протягивая руки.

– Привет, малышка моя! Ты проснулась, что ли? Ну, здравствуй, котенок! Ты меня помнишь? Я Катя, тетушка твоя.

Тонечка вдруг скуксилась, удивленно ее рассматривая, скривила подозрительно губки и задышала глубоко, вот-вот собираясь заплакать.

– Мама де? Мама де? – захныкала она, колотя по решетке кровати пухлой ручкой.

– А мама скоро придет, котенок! Совсем скоро! Ты меня не узнала, что ли? Я же тетя Катя... Ну? Иди на ручки! Вот так... Какая ты тяжелая стала! – проговорила ласково Катя, выживая Тонечку из кровати. – Сейчас мы с тобой умоем-

ся, потом каши покушаем. И я тоже с тобой поем, я тоже голодная. Пойдем, Тонечка.

С малышкой на руках она зашла на кухню и – опа... Картина перед глазами предстала еще та, которая, что называется, маслом писана – довольные близнецы упоительно размазывали остатки каши по своим недавно умытым мордашкам. Она всплеснула свободной рукой, быстренько усадила засмеявшуюся Тонечку на высокий стульчик и снова потащила мальчишек в ванную. А вернувшись через пять минут, и Тонечку тоже застала за увлекательнейшим занятием – девчонка, схватив обеими ручками оставленный на столе пакет с манкой, с таким же упоением рассыпала ее по полу кухни.

– О боже... – рухнула на кухонный стул Катя, опустив в изнеможении руки. – И полчаса не прошло, как я с вами нянчаюсь, а будто уже целый вагонный состав разгрузила!

– Мама де? Мамы неть... – глядя на нее хитрющими глазками, пролепетала Тонечка и развела в стороны пухлые ладошки.

– Да уж, Тонечка, мамы твоей неть... – передразнила ее, смеясь, Катя. – Выходит, я буду по совместительству твоей мамой. Целых три месяца. Пока твой садик не откроют.

– Теть Кать, а когда мы гулять пойдем? – ворвались на кухню Сенька с Венькой, когда она закончила кормить кашей девочку.

– Гуля-а-а-ть? – уставилась на них расширенными глазами Катя. – Ой, я не знаю даже... А вообще, вы правы, маль-

чишки, – тут же протянула она, изучая содержимое холодильника, а вернее – любуясь его первозданной пустотой. – Вы правы, гулять обязательно надо идти, и гулять мы пойдем с вами в магазин, иначе нам обедать нечем будет. Идите одевайтесь пока!

Кое-как разобравшись с ребячьей одеждой и усадив Тонечку в летнюю раскладную коляску, они шумным табором вышли из дома. Сенька, конечно же, сразу побежал в одну сторону, а Венька – в другую.

– Сенька! Венька! Вы что? Я ж коляску водить не умею! Научите меня сначала! – тут же выкрутилась из ситуации Катя, разведя вполне достоверно от «неумения» руки. – И магазин я не знаю где.

Мальчишки, заважничав, тут же вернулись к ней и, схватившись руками за коляску, дружно покатали ее по тротуару. «Все-таки как рано в мужчинах просыпается снисходительность к женской слабости, – совсем по-взрослому усмехнулась, глядя на них, Катя. – Надо будет научиться этим приемом пользоваться по прямому его назначению...»

– А мы знаем, где магазин, тетя Кать! Мы сейчас тебе покажем! – важно обернулся к ней Сенька.

– Ага! – подтвердил тут же его одинаковый братец. – Сейчас покажем!

Так и дошли они до большого супермаркета, важно катя коляску с Тонечкой впереди себя. «Ну вот, не так уж все и страшно, как показалось вначале, – обрадованно думала Ка-

тя, шагая за ними по тротуару. – Не такие уж они и маленькие – скоро по четыре года отмечать будем».

Однако радость ее оказалась преждевременной. В супермаркете, взяв Тонечку на руки, Катя со скоростью фокусника начала быстро кидать в большую тележку продукты – два пакета молока, творог, сыр, сосиски. Ага, вот полки с детским питанием.

– Девушка, это ваши дети? – вздрогнула Катя от строго-насмешливого голоса женщины в бело-красной клетчатой униформе. – Вы посмотрите, что творят!

С ужасом обернувшись, она увидела перемазанное шоколадом Венькино лицо. В руках он держал маленькую желтую коробочку – освобожденное от сладкой оболочки нутро киндер-сюрприза, изо всех сил пытаясь его открыть. А Сенька тем временем, аккуратно почистив банан, вонзил в него острые зубки.

– Ой, простите, ради бога! – испуганно проговорила Катя. – Веня, дай мне коробочку, я хоть до кассы дойду. Сенька, отдай банан немедленно... Ну пожалуйста, я на улице его тебе обратно отдам.

– Ты в няньках у них, что ль? – участливо спросила женщина, следя за ее суетой.

– Нет, я не в няньках. Я в тетках. Племянники это мои!

– Ну, тогда понятно. Да не суетись, пусть уж он ест этот банан. Я потом подойду к кассе, скажу.

Но и это было еще не все, что ждало ее в это утро. Подойдя

с нагруженными пакетами к дому, Катя обнаружила вдруг, что забыла взять ключи от квартиры. Так они и остались висеть на гвоздике в прихожей, а дверь она просто захлопнула, выходя. И Тонечка, будто почувствовав ее растерянность, зашевелилась недовольно в коляске, захныкала требовательно, потянув к ней ручки. Опустив пакеты на асфальт, Катя взяла ее на руки и чуть тут же не расплакалась и сама – Тонечкины штанишки были насквозь мокрыми, а запасные она захватить не догадалась. Что ж, придется Лене на работу звонить – пусть ключи везет. Сунув руку в карман брюк, она снова похолодела от ужаса – мобильник ее тоже остался в квартире. Глядя на ее растерянное лицо, примолкли испуганно и Сенька с Венькой, придвинулись к ней поближе, схватились за ноги – Сенька за правую, Венька за левую. Господи, ужас какой. Прижимая к себе плачущую Тонечку, Катя закрыла глаза.

– Девочка, может, помочь чем надо? – услышала она рядом спокойный женский голос. – Смотрю, так стоишь, будто бомба на вас на всех сейчас упадет.

Катя открыла глаза, увидела перед собой спокойное доброжелательное лицо немолодой уже женщины, улыбнулась сквозь слезы.

– Да вот... Ключи забыла, а Тонечка мокрая.

– А дети чьи? Твои, что ли? Вроде как знакомые дети-то мне. Видела я их тут раньше.

– Нет, это дети моей сестры. Я только сегодня приехала,

она на работу ушла. А я... Я за продуктами. А дома и ключи, и телефон...

– Так. Все понятно с тобой. Ну что ж, пойдем, выручать будем тебя до вечера! Только вот малышку переодеть у меня не во что.

Подхватив сиротливо приткнувшиеся на асфальте пакеты и Тонечкину коляску, женщина пошла в сторону стоящего напротив дома, махнув им приглашающе рукой.

– Меня Анастасией Васильевной зовут, а тебя как?

– А я Катя. Ой, Анастасия Васильевна, как неудобно-то.

– Ладно, потом извиняться будешь. Значит, в гости приехала, говоришь? А откуда?

– Из Лесогорска. Да вы не знаете, это маленький совсем городок. Военный.

– Гриш, открывай быстрее, не одна я, – нетерпеливо проговорила в домофон Анастасия Васильевна. И, обернувшись к Кате, по-доброму усмехнулась: – Ничего, милая, бывает. И со мной часто такая проруха случается. Выскочу впопыхах – все на свете дома забуду.

Дверь им открыл высокий худой парень с короткой стрижкой ежиком, отступил удивленно в прихожую.

– Мам, ты где столько детей взяла? Детский сад на прогулке заблудился?

– Да ладно тебе, Гриш. Помочь вот девочке надо. Она ключи от квартиры дома забыла.

– Это все твои, что ль? – весело прищурившись, спросил

Гриша у Кати. – Ничего себе, мать-героиня школьного возраста! Да еще и рыжая.

– Ну хватит, Гриш! Совсем засмутил девчонку! Она и так чуть не плачет! Племянники это ее. Проходи, Катюша, в комнату. Сейчас переоденем твою малышку, что-нибудь придумаем.

– Сенька! Венька! Пожалуйста, не лезьте никуда, я вас умоляю! – испуганно оглядываясь в поисках прошмыгнувших из прихожей в комнату детей, растерянно проговорила Катя.

– А ну, братва, пошли в мою комнату! Я вам что-то интересное покажу! Оставим девочек решать свои маленькие проблемки, – подхватил за руки близнецов Гриша.

– Ага, сынок, развлеки их там чем-нибудь, – махнула в его сторону Анастасия Васильевна. Потом произнесла, глядя на Тонечку, озадаченно: – Во что же мне тебя переодеть, малышка?

Через три часа, накормленные обедом, дети уснули вповалку на большом, разложенном во всю ширь диване в комнате. Катя, чуть ли не силой захватив место около мойки, старательно намывала посуду, уговорив Анастасию Васильевну посидеть немного и отдохнуть от хлопот, которые она таким неожиданным образом ей доставила. Гриша, стоя рядом, подхватывал у нее вымытые тарелки и протирал полотенцем, взглядывал на нее искоса с улыбкой.

– Значит, на все лето тебя в няньки определили, Катень-

ка? – наливая себе вторую кружку чаю, спросила Анастасия Васильевна.

– Ага... Мы с Мамасоней решили обязательно Ленке помочь. Она одна осталась с детьми, и садик как раз на ремонт закрыли.

– А почему она одна осталась?

– Так ее муж бросил...

– Да ты что! С тремя детьми?! Надо же... А родители-то у вас есть?

– Нет, Анастасия Васильевна. Погибли они, когда мне только год исполнился. Нас старшая сестра вырастила, Соня. Мамасоня...

– Вот оно что... – грустно протянула женщина, подперев щеку кулаком и с жалостью глядя Кате в спину. – И как она теперь, сестренка твоя, с детьми своими управится... Ведь мал мала меньше!

– Да ничего, справится! Мы же поможем!

– Переживает, наверное?

– А то! Конечно, переживает. Когда ее утром увидела, аж сердце от жалости подпрыгнуло! Бледная вся, глазюки опухшие и еще больше похудела, по-моему... И что с ней делать, не знаю. Она ж тихоня у нас, категорически безответная.

– А ты не такая? – вставил свой вопрос Гриша, беря у нее из рук очередную тарелку.

– Я?! Я себя в обиду никому не даю! Еще чего не хватало! Да что я – мне бы Ленке помочь.

– Молодец, Катюша. Так и надо, – одобрительно произнесла Анастасия Васильевна, улыбнувшись. – Молодец!

– А я вот слышал, что в таких случаях женщинам советуют обязательно ремонт в квартире сделать и любовника завести...

– Это где ты такое слышал, Гриш? – смеясь, спросила Анастасия Васильевна у сына.

– А вчера по телевизору программу одну смотрел, как женщин из кризиса развода выводят. Сказали, обязательно надо им какой-нибудь отвлекающий фактор организовать. А что, Кать? Давай твоей сеструхе тоже ремонт в квартире забабахаем, а?

– Ага! А потом сразу мужика нового найдем!

– А что, и найдем!

– Ой, как у вас просто все, я смотрю, деточки... Да мало ли что по телевизору насоветуют? – тяжело вздохнула Анастасия Васильевна. – Тут не один год пройдет, пока в себя-то придешь... Я ведь тоже с Гришей с пятилетним одна осталась. Помню, как это все тяжело было. Хоть и не совсем я молодая была, а все равно. Да и ребенок у меня один был, а тут сразу трое...

– Мам, ну чего ты тоску наводишь? Мы что, плохо с тобой жили?

– Да хорошо, сынок, хорошо мы жили. Ты у меня просто золото! И в институт сам поступил, и помогаешь всегда. Но все равно бедную девочку жалко! Сколько ей лет-то, Кать?

– Двадцать пять.

– Ой господи! Дите еще совсем. А старшей вашей сестренке сколько?

– В этом году будем сорок отмечать. Она мне как мама...

– Ну, это понятно! Тоже переживает, наверное?

– Ага... – вздохнула Катя. – Переживает. Плакала даже, когда я сюда уезжала.

– Ну а этот, отец-то ребятишек, о чем думает? Наплодил детей, а теперь вот...

– Да детей Ленка сама хотела. Он вообще против был. Да ну его! Он нам с Соней никогда и не нравился. Это Ленку нашу знать надо – только она с таким придурком жить и может.

Вытерев руки о полотенце, висящее на Гришином плече, Катя по-свойски уселась за кухонный стол, приняла из рук Анастасии Васильевны чашку с чаем.

– Как хорошо у вас... – оглянулась она вокруг. – Уютно и чисто. И добротой пахнет.

– А чем доброта пахнет, по-твоему? – взглянул на нее заинтересованно Гриша.

– Доброта? А у нее такой специфический запах, знаешь... Свежий такой, а еще от него улыбаться хочется!

– Да? Интересная ты девчонка. Слушай, Кать! Шутки шутками, а может, ремонт у твоей сеструхи и впрямь сделаем? Я бы ребят из группы на помощь позвал. Для них практика будет – мы ж на факультете дизайна учимся.

– Ну-ну! Разошелся, – шутливо шлепнула по руке сына

Анастасия Васильевна. – Вы сначала у нее поинтересуйтесь, нужен ли ей ваш ремонт.

– А что? И поинтересуемся! Да, Кать?

– Ой, вон и Ленка домой бежит на всех парах! – улыбнулась Катя, глядя в кухонное окно. – Потеряла нас, наверное. Телефон-то я дома оставила... Видно, с работы пораньше отпросилась. Надо ребят будить, да и пойду я! Спасибо вам, Анастасия Васильевна! И тебе, Гриш, спасибо.

– Стой! – резко развернулся к ней Гриша, выставив вперед указательный палец. – Пока номер телефона не оставишь, никуда не отпущу! А то ищи тебя потом по всему дому.

– Ой, да возьми! – засмеялась весело Катя, быстро поднимаясь со своего стула. – Жалко мне, что ли? Записывай.

* * *

Какие сумерки в июне – особенные... Можно часами стоять у окна и смотреть, как медленно, будто нехотя, перетекает в ночь яркий солнечный день, как собирается сиреневая тьма под деревьями, как небо осторожно и неохотно укрывается серо-желтой пленкой из лунного света, будто вязаной шалью. Медленная, торжественная картина уходящего. Погружение в сладкий летний сон. Красота! Странно, почему он раньше не замечал? Не ложились никогда так остро на душу все эти природные игрища, да и недосуг ему было вечерами вот так стоять, глядя в окно. Когда слишком счаст-

лив, красота закатов-рассветов принимается в виде законного приложения к этому счастью, не более того. И жизнь крутится ярким запланированным калейдоскопом, и одна удача сменяет другую, и кажется, что так будет всегда, и не останется ни минутки времени на грустное это созерцание, похожее на бегство от ярких красок дневного света. А ведь, между прочим, год уже прошел с того злополучного июня – как медленно он прошел, и как быстро.

И тогда, в том страшном июне, были такие же теплые сумерки, и они с Настей и Ванюшкой медленно шли-плыли по их сиренево-вечной задумчивости, держась за руки, – так не хотелось возвращаться в душную, прогретую за день солнцем квартиру. И он остановился у киоска – сигарет купить. И все. И точка. Калейдоскоп его безмятежного счастья остановился под жуткий визг тормозов, разорвав его жизнь с этой точки на две части: одна – до того, другая – после. И откуда его только вынесло, подлый грузовик, в такой поздний час именно на этот всегда, в общем-то, тихий перекресток? Там и светофора-то нет. Только белые наивные полосочки пешеходного перехода, и все. И все! И нет у него ни жены, ни сына. Потом, конечно, выяснилось, что за рулем грузовика сидел вдрызг пьяный водитель. Осудили его, конечно, а только никому от этого не легче. Он думал, тоже после этого жить не сможет. Но смог вот. Живет. Квартиру поменял, чтоб не ходить каждый божий день по белым полосочкам того проклятого перекрестка, и живет. На работу ходит,

ужин себе готовит иногда. А еще у окна стоит часами, чтобы не оборачиваться назад, не смотреть на сложенные тюками, сгруженные в общую кучу и так и не разобранные уже целый год вещи – символы разгрома его предыдущей жизни. И любитесь вот этими сумерками... А иногда, если повезет, он видит ее, ту молодую счастливую мамашу – она так похожа на его Настю! Или ему кажется? Может, она просто тем же самым торопливым Настиным жестом заправляет за уши рассыпающиеся по лицу прямые русые волосы, или так же щурится беззащитно, или у нее такое же, как у Насти, всегда трогательное выражение лица – как будто только-только холодной водой умылась. Только он один знал про это Настино настоящее лицо – красивое, светящееся свежестью, без единой капельки грима, и впрямь как утренней росой умытое. Это для всех она была звездой эфира – красавицей Анастасией Багоровой, телеведущей крепкой интересной программы на их канале. И он гордился ею бесконечно. Гордился ее низковатым чуть с хрипотцой голосом, красивым, умным, чуть ироничным лицом на экране, безупречностью ее русского языка. И союзом их брачно-творческим гордился – такой один на тысячу бывает. А может, и реже даже. Она – известная телеведущая, он – оператор-профессионал.

Странно, но у этой молодой женщины – такое же лицо. Ничем, в общем, не примечательное, но такое же, будто светящееся внутренней невидимой чистотой. И еще он как-то поймал себя на мысли, что если увидит ее с вечера, то обя-

зательно следующий день будет удачным. Вот такая вот образовалась у него примета. Смешно как. Уже целый год стоит вечерами у окна здоровенный бородатый мужик и верит в приметы. И ждет, когда же вернется с прогулки молодая мама из дома напротив вместе со своим выводком – двумя шустрыми близнецами и маленькой дочкой в коляске...

А вообще, надо ее как-нибудь сфотографировать. Интересный кадр может получиться – юная многодетная мама. Хотя чего тут интересного-то? Еще и засмеют. Скажут, совсем наш Багоров крышу себе снес – многодетными мамашами стал интересоваться. А он и не интересуется вовсе, просто она на Настю похожа. Вот он завтра попросит папарацци-наглюка Сашку Прохорова – он ее и сфотографирует. Он это классно делает, мастерски, из-за кустов. А фотографию потом здесь, у себя в квартире, на стенку повесит. И пусть себе висит. Если такая примета образовалась, то отчего и нет... Она ж все равно об этом никогда не узнает. Еще чего не хватало! Главное – чтоб Сашка ее не напугал. А то она возьмет да мужу расскажет, как неизвестный придурок ее из-за кустов фотографирует – навлечет еще ненароком на себя ревности-неприятности.

* * *

– Ой, а кто это у нас такой красивый? Катерина, это ты, что ли? Ничего себе... А я тебя только рыжей тринадцати-

летней каракатицей и помню! – разглядывала Катю Ленина подруга Света, ярко покрашенная блондинка с длинными, распущенными по плечам локонами. – А как ты оформилась красиво! Слышь, Ленк, действительно, в расход нас с тобой пора... Смотри, какая молодежь подтянулась! Прямо на пятки наступают!

– Да ладно тебе, Свет! Перехвалишь девчонку! Идите на кухню, чего вы в прихожей разобнимались? Я сейчас ребят уложу и приду к вам.

– Ты когда приехала? – снова повернулась Света к Кате, продолжая восхищенно ее рассматривать.

– Утром сегодня. Уже и нанянькаться успела, и Лену перепугать до смерти. Представляешь, я в магазин ушла, а ключи с мобильником дома оставила! Она звонит-звонит домой – нет никого! Чуть с ума не сошла! Домой бежала – в зубах крови нет, как бы наша Мамасоня выразилась.

– Ну как она, переживает? – тихо проговорила Светлана, мотнув головой в сторону комнаты. – Пойдем и правда на кухню, пошепчемся.

– Ага, переживает, конечно, – тихо проговорила Катя, опускаясь на кухонный стульчик. – Прямо видно по ней, как изводится! Правда, мы еще толком и не поговорили. Я ведь всего полчаса назад сюда с детьми заявила. Меня женщина одна приютила, из дома напротив.

– Значит, ты про Толика еще не спрашивала?

– Нет еще...

– И правильно! И помалкивай, сама разговоров не заводи.

Так лучше для нее будет.

– Почему это?

– Да зачем? Только душу рвать.

– А может, наоборот?

– Нет, Катька. Я знаю, что говорю. Вернее, по себе знаю.

От меня же Павлик тоже ушел...

– Да-а-а?

Катя удивленно уставилась на Свету, расширив от ужаса глаза. Институтская Ленина подруга всегда поражала ее крайней, порой доходящей до цинизма уверенностью. Как Мамасоня про нее говорила – не подруга, а пуп земли. Или правильнее сказать – пуповина? И наряды у Светы были самые что ни на есть откровенные, и голос приказной, рассыпающийся веселыми капризными нотками. Скомандует – и почему-то сразу бежать и выполнять хочется.

Она ей всегда очень нравилась, эта Света. А вот Соне почему-то нет. Соня говорила, что она Ленку подавляет. И муж Светин, Павлик, был ей под стать. Высокий, красивый, фактурный, уверенный в себе парень – мечта каждой девчонки. И очень умный. Они все и учились в одной институтской группе – Ленка и Света, Толик и Павлик. И поженились вместе на втором курсе – сразу две свадьбы сыграли. И потом тоже дружили... И вот на тебе...

– Как это – ушел? – переспросила Катя, удивленно хлопнув глазами. – Навсегда, что ли?

– Ну да. А что, Ленка тебе не рассказывала?

– Нет, говорю же – только сегодня приехала.

– А... Ну, все понятно...

– Чего тебе понятно, Свет? – тихо зашла на кухню Лена, кутаясь в шерстяной платок. – Мерзну, понимаешь, все время, будто зима на дворе.

– Да замерзнешь тут, Ленк, с придурками нашими! Захиреешь, отморозишься и помрешь. Ты давай держись, подружка! Чего ты сразу расквасилась так? Тебе нельзя!

– А тебе, значит, можно? – грустно улыбнулась ей Лена.

– Ну, у меня вообще другой случай. Ты же моего Павлика знаешь – просто очередная блажь в голову пришла, повлюбляться немного решил. У него же всю жизнь так. Если что взбредет в голову – надо пройти все до конца. Огонь так огонь! Воду так воду! Трубы так трубы... А твой опять куда за ним рванул? А? Господи, смешно даже.

– В каком смысле? – уставилась на нее непонимающе Катя. – Куда он за ним рванул?

– Ну, понимаешь, Катерина, как бы тебе объяснить, маленькая ты еще...

– Ой, да пойму я все, Света! Не тупая!

– Ишь ты! Смотри, как разговаривает, – глядя на Лену, мотнула одобрительно головой в сторону Кати Света. – Как большая.

– Да она у нас всегда умницей росла, Свет. С детства самостоятельная. Мы с Соней и хлопот-то особых с ней не

знали... Да, Кать? Только однажды испугались. Заглянули в комнату, а она там с портретами отца с матерью вовсю разговаривает, будто с живыми... Сколько тебе лет было, Кать, не помнишь?

– Нет... – засмушалась вдруг Катя. – Может, шесть, может, семь.

– О господи... – только и вздохнула Света. – Подумаешь, ребенок с портретами родителей разговаривал! Это все можно понять прекрасно.

Лена, вдруг выставив вперед ладонь и прислушавшись, замерла на секунду, потом соскочила и молнией унеслась в комнату, откуда и в самом деле послышалось сонное кряхтенье Тонечки.

– Свет, ну? – выжидательно уставилась на нее Катя. – Объясни, пока Лены нет...

– Да понимаешь, Кать... Как бы это объяснить в двух словах...

Света вдруг усмехнулась, задумалась глубоко. Да уж, в двух словах... Тут и тысячи слов не хватит, чтоб рассказать девчонке о странных и болезненных отношениях этих двух мужиков – ее мужа Павлика и Ленкиного Толика, она и сама долго никак их понять не могла.

Дружили Толик и Павлик с детства. Вернее, это Толик с Павликом дружил. А Павлик – так себе. Некогда ему было с ним дружить, да и неинтересно. Он вообще был с детства лидером, всегда первым, всегда лучшим, и друзей всяческих

вертелось вокруг него тьма-тьмущая. Толик просто терялся в их толпе – тихий незаметный мальчик, серый троечник. Но и особо рьяно его Павлик от себя не отталкивал, потому как то ли нравилось ему, то ли забавляло наблюдать, как Толик пыжится изо всех сил, страстно ему во всем подражая, как лезет из него серая и глупая напыщенность – бледная, уродливая тень второсортности, не желающая этой второсортностью быть ни при каких обстоятельствах. И посмеивался Павлик над ним за это частенько, и помыкал, бывало, а только далеко от себя все равно не отпускал. Нужен был ему Толик, как некое доказательство своей жизненной первичности. Раз завидуют – значит, состоялся. Раз подражают – значит, тем более. И после школы потащил Толика за собой в Политехнический, и дела ему не было, как этот Политехнический бедному Толику дался. Сам-то Павлик школу с золотой медалью окончил.

– Свет, ну чего ты молчишь? – нетерпеливо затормошила Свету Катя. – Давай рассказывай...

– Ну, в общем, дружат они так странно, Кать, – грустно улыбнувшись, тихо проговорила Света. – В народе это называется – куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Толику вашему, понимаешь ли, никак нельзя ни в чем от моего Пашки отстать. У него, понимаешь ли, такая хроническая болезнь образовалась – быть не хуже Пашки. Он и к сеструхе твоей в институте только потому клинья подбил, что Пашка со мной заженихался. Пашка меня в ЗАГС потащил, и То-

лику тоже срочно жениться приспичило... А только в этом моменте Ленка его подвела малость.

– Как это? – растерянно спросила Катя и улыбнулась недоверчиво.

– А вот так это! У нас с Пашкой один Вовка родился, а Ленка Толику сразу двойню преподнесла. А потом еще и Тонечку впридачу. Он, бедный, все психовал на Ленку, пока однажды Пашка его не похвалил. Молодец, говорит, Толян, – троих детей родил... Я бы тоже так, да Светка не хочет... Прямо звездный час он тогда Толику устроил! Да только не успел он, бедный, и насладиться как следует, как все уже и поменялось по-быстрому...

Света вздохнула, снова замолчала, провалившись в свои грустные мысли. Вспомнились тут же события последних дней, промелькнувшие, будто короткометражный фильм с экрана телевизора, вспомнилось, как Павлик, без разбору скидывая в открытый чемодан вещи из шкафа, говорил ей что-то быстро и очень виновато, как плакал в это время в детской сын Вовка.

– Ну? Что поменялось-то, Свет? – вернула ее в разговор нетерпеливая Катя.

– А сама догадаться не можешь, что ль? – рассердилась вдруг на нее Света. – А говоришь, не тупая... Любовь приключилась у моего Пашки, поняла? Большая и светлая! И не стало ему дела ни до меня, ни до детей, настоящих и будущих... И не нашел в этот момент Павлик себе другого друга,

кроме Толика, которому можно было бы свои страдания излить по поводу разрушенного семейного счастья да об угрызениях совести покричать, колотя себя кулаком в грудь. Ну, а теперь-то хоть догадалась, что дальше по логике вещей должно было произойти?

– Ну?

– Лапти гну! Толик же не может от Пашки ни в чем отстать... Вот и ему, понимаешь ли, тоже угрызений совести захотелось. Таких же, как у сильного, крутого и честного Пашки. Чтобы все, как у больших, чтобы так же – кулаком в грудь. Причем самым срочным образом захотелось! И чтоб они покрасивше были, чем у Пашки. Вот он срочно и приглядел себе лахудру какую-то. А по угрызениям-то он и впрямь Пашку обогнал! Я-то с одним ребенком осталась, а Ленка – с тремя...

– Свет, ну не бывает же так, что ты! Оставить жену с тремя детьми только для того, чтобы перед кем-то красиво угрызаться совестью? Ты что!

– Бывает, Катюха, бывает. Чаще всего так и бывает. Таких, как Ленкин Толик, миллион и маленькая тележка. Он и карьеру хотел себе, как у Пашки, и фирму свою открыть... Все пыжился-пыжился! Все догонял-догонял! А только слабо ему, конечно. Так и будет вечным пятым подползающим при шестом заместителе. Так что вы с Сонечкой не очень и огорчайтесь по этому поводу.

– Так мы и не огорчаемся. Просто обидно как-то за Ленку!

– Ну, у вашей сеструхи на этот счет своя философия! Она всегда во всех только хорошее видит. Всех любит, всех понимает, всех прощает.

– А это что, плохо?

– Не знаю, Кать... – вздохнула Света. – Может, и хорошо... По крайней мере, я ей за это очень благодарна. Я ведь как подруга тоже не подарок – могу и наехать за просто так, от плохого настроения, зло свое на ней выместить. А она ничего... Улыбнется, посмотрит понимающе – и все. И Толика своего она наверняка простила уже. Хотя на мой бы характер...

Света резко стукнула кулачком по столешнице, взмахнула красивыми светлыми волосами.

– Ты чего тут развоевалась, подруга? – снова вошла на кухню Лена, тихо прикрыв за собой дверь. – Катюхе на Толика глаза открываешь? Как на сей раз ты его обозвала? Бледной синюшной Пашкиной тенью? Или закомплексованным придатком? Или еще как покруче?

– А что, Лен, разве не так?

– Да так, так... Если сделать скидку на излишнюю абсурдность твоих образов, то в общем и целом – да, похоже на правду.

– Лен, неужели это и в самом деле так? – с ужасом прошептала Катя, обернувшись к сестре.

– Да не бери в голову, Катюша! Что делать, бывает и так. Я потом и сама уже догадалась.

– А ты что, с самого начала его не разглядела?

– Нет, Катюш. Не разглядела. Я влюбилась просто. По уши влюбилась! Он же парень симпатичный, в общем, и по натуре не злой. И положительный. Не пьет, не курит. Подумала – чего мне еще надо? Муж как муж, не хуже и не лучше других. А самое главное, он ведь и сам себя не понимает! Не видит себя со стороны и амбиций глупых своих тоже не видит. Отдал себя в чужое владение и ослеп. Он же в этом не виноват.

– Ну, Кать, что я тебе говорила?! – торжествующе посмотрела на Катю Света. – Подожди, сейчас она оправдывает его по полной программе, дай только время! – И, обернувшись к Лене, резко продолжила: – Да он же тебя несчастной сделал, Ленка! Оставил на всю жизнь с тремя детьми мыкаться...

– Несчастной? – грустно улыбаясь, тихо спросила Лена. – Нет, Светка, что ты... Какой еще несчастной? Трудностей он мне добавил, конечно, с этим спорить не буду. А несчастной – нет. Я и с пятью детьми на руках счастливой буду. И детей своих этому счастью научу.

– Молодец, Леночка, молодец! – вдруг кинулась к ней Катя, обняла за хрупкие плечи, с силой прижала к себе. – Какая ты у нас с Мамасоней умница...

– Ой, блаженные... – покачивая головой из стороны в сторону и улыбаясь, протянула Света. – Все-то у вас хорошо да замечательно. А только жить вы на что, счастливые мои, собираетесь? У тебя хоть деньги-то есть, подруга? – глядя на нее с жалостью, продолжила она тихо.

– Есть немного. Да еще вот Соня с Катюшей послала.

– А Толик? Ну, что он сказал, когда уходил? Помогать собирается?

– Сказал – будет приносить алименты раз в месяц.

– Вот сволочь... А он не сказал, как прожить на его алименты с тремя детьми?

– Так я ж работаю, Свет! Пока детсад закрыт, Катюша с детьми посидит.

– Работает она... У тебя ж зарплата копеечная!

– Ой, да проживем как-нибудь. Ты больше не ругай его, Свет. Он просто несчастный человек, и все.

– Да ладно, Ленк, не грузись! Никуда он от тебя не денется. Это ж надо моего Пашку знать.

– В смысле? – повернулась к ней Катя.

– А у него же все очень быстро проходит! Быстро загорелось, быстро и потухнет! Так что я подожду еще – наверняка скоро вернется. Он, когда к сыну приходит, такими виноватыми глазами на меня смотрит. Так что и здесь Толик твой не отстанет – быстренько у тебя нарисуеться! Вспомнит, что он муж и отец. След в след за Пашкой.

– Да на фиг он такой нужен вообще? – громко возмутилась Катя. – Правда, Лен?

– Не знаю, Кать, – пожалала плечами Лена. – Дети ж не виноваты, что у них папа такой. Не знаю я. Голова болит. И холодно... – тоскливо глядя в окно и еще больше закутываясь в платок, тихо прошептала она. – Давайте лучше чаю попьем,

девочки!

– Да какой чай, Ленка! Я ж сухого вина с собой притащи-
ла! Французского! Сейчас мы твое торжественное вступи-
ение в няньки и отметим, Катерина.

* * *

Ада долго стояла у зеркала, рассматривая свое тщательно выхоленное смугло-розовое лицо. А что – вполне еще ниче-
го! Уж по крайней мере, на свои законные тридцать пять ни-
как не тянет. Ну, может, на двадцать девять – тридцать... Не
зря же на нее так запал этот молодой мужик. Нет, есть, есть в
ней еще масса прелести и женского обаяния, самый расцвет,
так сказать. Если еще и не лениться, не пренебрегать макия-
жем, поменьше демонстрируя утренние помятости, следить
за собой тщательнее, то она еще о-го-го сколько может про-
держаться. Фигура вот только подкачала – расплылась в раз-
ные стороны, как наспех взошедшее тесто. Зато грудь хоро-
ша. Да и то – она ведь не рожавшая, слава богу. Теперь, кста-
ти, и о замужестве, и о ребенке подумать можно. Пора уже.
Чем Толик ей не муж? До смерти уж надоело в вечных лю-
бовницах ходить, роковую страсть из себя чуть не силой вы-
пихивая. Хотя и трое детей Толиковых – тоже не подарок.
Гипертрофированное отцовство, знаете ли. Ну да и ладно,
что ж делать, если выбирать не приходится. Безрыбье – оно с
возрастом вот-вот подкрадется, и тогда вообще неизвестно,

за какого такого рака придется замуж выходить. А Толик – не пьет, не курит, за собой следит. Чем не версия законного мужа? Только зануда жуткий, конечно. Все какие-то ролевые игры ей навязывает. И странные такие... В таких играх кому что требуется, а этому – чтоб она его бывшую жену жалела. Прямо бред какой-то. Сколько мужчин через ее руки прошло – не девочка ведь уже, – а такого странного мужика первый раз видит. Только и слышно от него – ах, какой я подлец! Ах, какой негодяй! Сколько страданий жене принес! Ах, как там ей сейчас тяжело...

Видела она эту жену – бледная моль в тапочках. Чего по ней страдать-то? Так и хочется сказать – иди да и помоги ей, раз убиваешься. Денег там дай или с детьми посиди. Только нельзя. Она ж понимает – игра все это... Рисуется он перед ней, цену себе набивает. Посмотри, мол, что я ради тебя, Адочка, натворил в прошлой своей жизни. Оцени по достоинству.

И каждый день он будто бы к ней, к бывшей жене, сходить собирается. Вот и сегодня утром, уходя на работу, посмотрел ей трагически в глаза и говорит: «Ада, мне надо сходить туда...» А стонать на эту тему вообще с вечера начал. Надо же. Такой молодой, а уже зануда. Ну ничего, она его быстренько от этого недостатка избавит, дайте только официально, так сказать, определиться. А пока она и потерпит, ладно уж, отчего и не подыграть мужику. Только бы не сорваться да не заорать на него раньше времени. Спугнешь – потом ищи

себе нового претендента. Нет уж, она потерпит. Вон и ключ в дверях поворачивается, идет. Держись, Адочка, держись, умница...

Ада последний раз взглянула на себя в большое зеркало, поправила на груди алые кружева пеньюара и улыбнулась сама себе полными губами – хороша! И пеньюар этот красный необыкновенно идет к ее смоляным кудряшкам, рассыпанным волной по полным плечам...

– Здравствуй, милый! Как я соскучилась! Ужинать будешь, милый? – вышла она в прихожую к Толику, неся на лице заготовленную у зеркала улыбку.

– Не знаю... – трагически произнес Толик, бросая портфель на тумбочку и проходя в комнату. – Ничего не хочу. Даже думать ни о чем не могу!

В комнате он устало-небрежно опустился на диван, запрокинул голову на низкую спинку, помотал ею из стороны в сторону, прикрыв глаза.

– А что такое, милый? – участливо спросила Ада, присаживаясь с ним рядом. – Что случилось?

– Ну ты же знаешь, Адочка... Мне же надо сегодня идти туда.

– Ах да, милый, прости, я совсем забыла! Но все равно надо поужинать, ты такой бледный!

– Конечно... Ты думаешь, все это легко выносить? Это выше моих сил, пойми! Будут снова слезы, снова плач детей. А Ленино лицо! Ада, ты бы видела ее лицо! На нем такое

страдание безысходное написано, боже мой.

– Как я тебя понимаю, милый! Действительно, тяжело... Но ты держись. Ты помни – я всегда, всегда с тобой.

Ада погладила Толика по коленке, потом по щеке, старательно изобразила понимающе-любящий взгляд. Про себя же подумала зло: «Интересно, а какое должно быть у бабы лицо, если ты ей на руках троих детей оставил? Их же кормить-поить надо... Эх ты, сволочь моя ненаглядная. Ну погоди, дай только замуж за тебя выйти... Ты у меня тогда про все узнаешь – и про страдания, и про горе, и про слезы». Вслух же тихо, с придыханием произнесла:

– Ничего, милый, мы справимся. Мы же вдвоем, нам ничего не страшно. Вместе мы все вынесем, все испытания судьбы.

– Нет, ты меня не понимаешь, Адочка! Это... Это так мучительно! Я даже не знаю, на что она там существует. Я понимаю, что обязательно должен туда сходить, Адочка! Но сделать это так трудно!

– Ну конечно, милый. Я понимаю, как ты страдаешь...

– Вот чем она кормит детей, скажи? Наверняка с ними дома сидит, раз детсад закрыли. И с работы ее, конечно же, уволят. Глупая клуша! Ведь говорил же – зачем ей столько детей! Теперь я вынужден страдать и мучиться совестью – как она там с ними! Ну вот скажи – за что?

– Ты ни в чем не виноват, милый. Тем более детей она сама хотела. Ну прошу тебя...

– Ах, ну что она могла сама хотеть? Ей просто ума не хватило вовремя мне сказать! Глупая курица. Вечно смотрела на меня влюбленными коровьими глазами. А я теперь вынужден страдать... Это же мои дети, Адочка! Я ведь не перестал после ухода быть их отцом, ты ж сама понимаешь. У меня вот друг один есть, Павел, он тоже, как и я, жену свою оставил. Но у него-то всего один ребенок! Ему легче... А я? А мне каково? Да еще и жена абсолютно к жизни не приспособлена.

– Толик, а родители у нее есть?

– Да в том то и дело, что нет. Сирота она. Есть, правда, сестры, но они вообще где-то в замшелой провинции обитают... Конечно, я понимаю, что несу за эту женщину огромную ответственность, и из чувства долга мне мучительно больно рвать с ней, но по-другому я не могу... Не могу!

– Как я тебя понимаю, милый... – притворно вздохнула Ада. – Может, ты сегодня все-таки не пойдешь туда? Может, завтра? А сегодня ты просто отдохнешь.

– Да, Адочка, пожалуй, ты права.

– Вот и хорошо, милый! Ты сейчас примешь спокойно ванну, а я пока приготовлю что-нибудь вкусненькое. Давай устроим романтический ужин, милый. С красным вином. С французским. При свечах.

Позже, стоя на кухне и изо всех сил колотя молотком по распластанному на доске куску свинины, Ада с тоской подумала, что и завтра ей предстоит выслушивать подобные мо-

нологи, и послезавтра... И так изо дня в день. Когда он уже наиграется, черт побери? Да и в самом деле – надо спроводить его к бывшей сходить, иначе она сама возьмет да и припрется сюда со своим выводком, когда и правда есть нечего станет. Знает она это все. Проходила уже. А может, ну его вообще, этого Толика? Хотя нет, чего это она... Столько сил и нервов положено. Нет, так просто она его от себя не отпустит. Не на ту напал! Вот пусть сначала разведется и женится.

* * *

На следующий день, проводив Лену на работу, Катя заблаговременно сложила в сумочку и ключи, и телефон, и запасной памперс для Тонечки, и даже кипяченой воды налила в бутылочку заранее. Все, хватит. На молоке, как говорится, обжегшись... Пора приступать по-настоящему к обязанностям няньки, хватит пугать и без того насмерть перепуганную новыми своими обстоятельствами Леночку. Так и не удалось ей вчера с ней пошептать – посиделки со Светой затянулись до глубокого вечера, пока у всех не начали сами собой слипаться глаза. Катя кое-как до своей раскладушки и добралась. Вот уж сегодня вечером они с Леночкой наговорятся всласть.

Однако и вечером разговора не получилось. Вернее, разговор был, конечно, но совсем, совсем не такой, какого хо-

телось бы Кате. А всему виной эта противная Вероника Владимировна – Ленина обожаемая свекровушка, – черт ее принес в самое неподходящее время. Очень неприятная особа. Похожа на старую ее школьную учительницу черчения – такая же скрипуче-злючая, как ржавый циркуль... И имечко у нее такое же вредное – язык сломаешь, пока выговоришь. Только-только Ленка с работы пришла – бледная, усталая, с провалившимися измученными глазами, – а она уж тут как тут. Только ее и ждали будто.

– Елена, я хочу поговорить с тобой очень и очень серьезно! – с порога начала вещать свекровь чеканящим, словно отдающим военный приказ голосом. – Мне совершенно не нравится, что ты оставляешь детей с этой малолетней девочкой! Что это такое? Ты же мать, в конце концов! Как же это можно? Я чуть с ума не сошла, когда днем сюда позвонила.

– Но мне же работать надо, Вероника Владимировна, – опешив от такого резкого натиска, растерянно развела руки в стороны Лена. – Кто ж нас всех кормить теперь будет?

– Это ты на что намекаешь, интересно? – протянула свекровь, прищуриив глаза. – На своего мужа-подлеца, что ли? А кто виноват в случившемся, ты не подумала?

– А кто виноват? – снова опешила Лена.

– Да господи! Ты же сама и виновата! Хорошая жена, между прочим, в первую очередь про мужнину карьеру думает, а потом уж детей заводит! А ты ему что? Не успели дети из од-

них пеленок вылупиться, ты ему тут же следующего ребенка преподнесла! Опутала его семейными проблемами, бытовыми трудностями, тяжелой ответственностью. Вот он и сбежал! Так что ты сама, только сама во всем виновата, Леночка. И не ссылайся теперь на Толика. Он что – он материально помогать будет, конечно... А твое теперь главное дело – дети! Ты же мать! Вот чем ты их кормишь, интересно?

Свекровь важно прошествовала на кухню, по-хозяйски заглянула в холодильник. Лена шла за ней, понуро опустив плечи. Взгляд ее был загнанным, устало-равнодушным, словно вобрал в себя все неудавшиеся попытки к какому-либо сопротивлению. Катя, держа Тонечку на руках, вошла было с возмущенным лицом на кухню, но Лена только рукой ей махнула – уйди, мол, от греха подальше.

– Так, что тут у вас? – продолжила свою инквизиторскую инспекцию Вероника Владимировна. – Сыр жирный... Творог... А сосиски самые дорогие куплены! Ты совсем не экономишь, Елена!

– Так для детей же.

– Ну и что? Дорогое – не значит хорошее! И вообще – тебе надо научиться все, все тщательно учитывать! Распределять продукты, распределять деньги, чтоб хватило надолго. А творог можно готовить самой, это значительно дешевле получится.

Катя, не выдержав напряжения – так ей хотелось сказать вслух, что она обо всем этом думает! – от души хлопнула,

выходя, кухонной дверью, заставив Веронику Владимировну резко вздрогнуть.

– О боже... Какая несдержанная, грубая девочка, эта твоя сестра. И ты с ней оставляешь детей! Ты вообще думаешь, что творишь, Елена? Ты видишь, что ей еще самой в куклы играть надо? Нет, это ужас, ужас... В общем, отправляй ее немедленно обратно и займись своими прямыми обязанностями. Ты же мать! Как у тебя сердце не разрывается, когда ты на работе сидишь?

– Разрывается, Вероника Владимировна, – тихо, будто про себя, произнесла Лена. – Еще как разрывается. Только Толик, уходя, мне денег почти совсем не оставил.

– Ну конечно же, Толик у тебя во всем виноват! Что ж, я так и знала... Увидеть настоящие причины с тобой произошедшего ты просто не способна, видимо, – вздохнула она, медленно выходя из кухни в маленький коридорчик. – Очень жаль, Леночка. Очень жаль... Я, конечно, буду приходить помогать тебе, это же и мои внуки. Надо срочно учить тебя экономно вести свое хозяйство, например. Завести тетрадь приходов и расходов. Осторожно обращаться с деньгами.

В прихожую, стуча маленькими пятками, выбежали Сенька с Венькой, обхватив мать с обеих сторон, уставились весело на бабушку.

– Ну что ж, ладно, дети, оставайтесь. Бабушка пошла домой, – наклонилась к ним Вероника Владимировна. – Ведите себя хорошо! Я завтра приду вечером, проверю.

– Это что, она каждый вечер нас грызть будет? – с ужасом уставилась Катя на Лену, когда за свекровью закрылась дверь. – Как ты ее терпишь, Леночка? Да на мой бы характер... Да я бы ее в два счета отсюда!

– Да ладно, Катюшка, не ворчи... – устало махнула рукой Лена, без сил валясь на диван. – Она же им бабушка, не посторонняя какая тетка. Как же я могу ее выгнать?

Венька с Сенькой тут же взгромоздились на материнские худые колени, обхватили Лену за шею, борясь каждый за свое пространство. И Тонечка запрыгала у Кати в руках, потянула к матери пухлые ручки.

– Кать, ты не держи ее на руках все время – пусть сама ножками ходит! А то вообще разучится.

– Ой, Лен, да я боюсь! А вдруг не услежу? Упадет, лоб себе разобьет.

– Да ну... Сама-то ты не помнишь, как бегать начала? Мы с Соней тебя спать уложили, сидим, чай пьем. А ты вдруг в дверях нарисовалась с улыбкой. Сама из кровати выползла, сама на ножках на кухню притопала.

– Ленк, ты мне зубы не заговаривай! Ты на вопрос отвечай – так и будешь пожизненно терпеть эту мымру?

– А что делать, Кать? Буду, конечно. Должна ведь у детей бабушка быть хоть какая-то! Раз отца не будет – пусть хоть бабушка будет.

– Да какая она, к лешему, бабушка, Ленка! – снова разгорячилась Катя, от волнения проглатывая окончания слов. –

Ты что, не видишь, что она к тебе сюда просто оторваться приходит? Громкий командный голос вырабатывает? И каждый вечер так теперь приходиться будет. Тебе это надо?

– Ну что делать, Кать? Да, она такая...

– Да, такая! Она сюда идет экономии тебя учить, а хоть один йогурт мальчишкам принесла? Хоть десять минут с ребятами поговорила? Хоть на секунду Тонечку на руки взяла? Да пойми – не внуки ей нужны, ей твоя слабыхарактерность нужна, чтоб грызть тебя изо дня в день с огромным удовольствием.

– Нет, Катька, не права ты. Любые отношения разорвать легко, это можно в одну секунду сделать. А вот сохранить их в сложившихся обстоятельствах... Да и все равно – детям необходимо общение с бабушкой. Ты маленькая еще, Катька, многого просто не понимаешь.

– Да уж, конечно! – обидевшись, отвернулась от нее Катя. – Так все сложно, где уж нам, деревенским.

– Кать... Ну ее же просто понять надо, – улыбаясь, протянула ей в обиженную спину Лена. – Она же просто защищается так. Не все же могут пепел себе на голову сыпать, за поступки своих детей извиняться. Многим же просто наехать легче! А на самом деле ей очень, очень неприятно.

– Ну, не знаю... А по-моему, ты, как всегда, мудришь, Леночка. Ну вот на фига она нам каждый вечер? Благо бы еще с детьми оставалась.

– Да ладно, котенок, не грузись. Прорвемся как-нибудь.

Соня звонила?

– Звонила. И не раз. Хочет еще тебе денег выслать.

– Ой, да зачем! У меня зарплата скоро.

– Так ее ж все равно не переспоришь! Кать, а может, мы с тобой ремонт сделаем, а? А что? Обои недорогие купим, занавески новые.

– Да ты что, Кать? С ума сошла? Какой ремонт? С детьми?

– А ты б хотела?

– Да ты что... Может, о чем другом, а вот уж о ремонте мне ни одной мысли за последние дни в голову не пришло. Странно даже, что ты об этом заговорила.

– Ну и ладно! Ну и хорошо! Это я так, к слову... А знаешь, с кем мы сегодня гуляли?

– С кем? – насторожилась Лена, следя, как Тонечка, кряхтя, карабкается к ней на диван.

– А с Гришей! С парнем с этим, помнишь, я тебе рассказывала? Ну, когда вчера без ключей осталась.

– А... Помню... Да, натворила ты делов, конечно. А он хороший мальчик?

– Да классный! Он столько много всего знает, Лен! Он на дизайнера учится. Я вот подумала – через год тоже в его институт буду поступать.

– Ой, быстро ты как решения принимаешь, Катька! Смотри не влюбись давай, а то потом Соня мне голову оторвет, если что.

– Да ладно, не маленькая. Не учи, – и, обращаясь к Сень-

ке с Венькой, спросила: – Мальчишки, а вам дядя Гриша понравился?

– Да! Да! – хором запищали близнецы, прыгая с дивана. – Он сказал, что завтра тоже с нами гулять пойдет! И снова верхом катать будет!

– Это как? – заинтересованно спросила Лена, глядя на Катю.

– Да он по очереди их себе на шею сажает и прыгает. А они прям смехом заливаются от счастья! Твой-то зацикленный Толик себе таких несерьезных игрищ не позволял.

– Ну ладно, Кать... Чего ты так на них ополчилась-то? Люди как люди, не лучше и не хуже других.

– Господи, ну что ты за человек, Лен? Почему ты всех и всегда оправдываешь? Нельзя быть такой тихоней, ей-богу! Все кругом у тебя хорошие да замечательные! Так мне за тебя обидно!

Катя, всхлипнув, присела рядом с Леной на диван, уткнула нос в ее хрупкое плечо. Лена обняла ее за плечи, притянула к себе рыжую голову, поцеловала ласково в макушку.

– Рыжуха ты моя, воительница... – покачивая Катю из стороны в сторону, тихо и ласково произнесла она. – Защитница ты моя сердечная... И в кого ты у нас такая неугомонная? Вот уж кому-то золото настоящее достанется. И спит же где-то сейчас паренек ногами к Богу.

– ...Вот и не знаю, Гриш, что мне с ней делать. И откуда в ней такая смиренность взялась? Ой, не доведет она ее до добра...

Катя повернула голову в сторону спящей в тени в своей коляске Тонечки, поймала взглядом две одинаковые, мелькающие среди деревьев парка панамки Сеньки и Веньки. Потом снова повернулась к Грише, заговорила еще более горячо, все больше и больше распаляясь:

– И, главное, представляешь, она его еще и жалеет! И мамочку его, крокодилицу, тоже! Я-то, говорит, с детьми все равно буду счастлива, просто уже потому, что они у меня есть, а Толик? Он-то ведь, говорит, и не понимает ничего, просто за призраками придуманного счастья гоняется, поэтому его вроде как даже и пожалеть надо...

– А ты знаешь, Катерина, твоя сестрица не так уж и не права... – задумчиво проговорил Гриша, откинувшись на спинку скамейки и взглянув на нее коротко сбоку. – Счастье, оно, может, и состоит в преодолении каких-то ужасных жизненных трудностей, чтоб потом себя уважать было за что!

– Ага! Еще скажи – чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...

– Да. И так тоже можно. Он ведь, кто это сказал, тоже по полной программе трудностей-то хлебнул. Поэтому знает,

что говорит. Просто нам его по-другому преподносили всегда. А если посмотреть на все это не от печки обязательного школьного сочинения, а с философской точки зрения? Не зря же говорят, что страданиями душа очищается! Что, разве такие слова мог бы произнести человек здоровый, удачливый? Да вряд ли. Если только ерничать не будет, конечно. И выражение «чем хуже, тем лучше» тоже, между прочим, не такие уж и дураки придумали.

– погоди... Это что же получается? Ты хочешь сказать, что люди, по общему признанию несчастные – брошенные жены, например, – на самом деле и есть самые счастливые? Глупости какие!

– Да не такие уж и глупости, Катя! У них просто шанс появляется переосмыслить-перевернуть свою жизнь, вытащить из себя что-то глубоко там запрятанное, выйти на совершенно новую дорогу, раньше неизведанную. Это ж здорово вообще!

– Хм... А ты-то откуда знаешь? Ты же молодой парень, а не разведенная тетка.

– Знаю. Я маму помню, когда отец вот так же нас бросил. Ты знаешь, как она поначалу злобничала? Я ее боялся – жуть... Все время из дома сбежать хотел. Она и отца мной все время шантажировала, и на весь оставшийся мир обижалась, такой издерганно-страдающей была. А я так сильно все это переживал.

– Это ты про Анастасию Васильевну рассказываешь? –

округлила на него глаза Катя.

– Ну да... А что, не похоже?

– Не-ет....

– Да в том-то и дело! А я ведь и правда тогда из дома сбежал. Скитался где попало, чуть не пропал совсем. А потом она меня через милицию разыскала. Представляешь, я ее и не узнал! Будто перевернуло ее всю, перетряхнуло разом. Такая вдруг в ней внутренняя работа началась. Помню, каждый день за что-то у меня прощения просила, за все детские обиды и унижения. И все тихо так приговаривала: «Гришенька, неужели это я была? Стыдно-то как... Ты прости меня, сынок». А потом и у отца прощения попросила. Видно, было за что просить. Так мы по-другому жить и начали. А сейчас смотрю на нее – счастливее человека на свете нет!

– Да... У вас дома счастьем пахнет.

– Так что твоя сеструха определенно в чем-то права. Потому что с ходу прощает, ее не надо обстоятельствами мучить да перетряхивать, как пыльный мешок.

– Так все равно же жалко... – опять загорячилась Катя. – Чем плохо, если у нее в жизни все хорошо будет?

– А хорошо – это как? Ты хочешь, чтобы к ней муж вернулся?

– Да вот теперь и сама не знаю, нужен ли ей этот придурок? Что ж за жизнь у нее такая будет – на его комплексы любоваться? Вот ей бы другого какого мужа найти, а? Хотя с тремя детьми кто ее возьмет...

– И здесь ты не права, Катерина! Вот я, например, когда полюблю, мне все равно будет, сколько у моей женщины детей. Хоть трое, хоть пятеро. Дети – это ж так здорово! Вот смотри – лежит кроха в колясочке, а потом из нее красавица-умница Антонина вырастет, а потом она станет уважаемой Антониной Анатольевной. А почему ее так называли, не знаешь? Необычное какое-то имя, из тридцатых годов.

– А так маму нашу звали. А Веньку в честь отца Ленка назвала. А Сеньку – в честь его друга детдомовского. Жили когда-то в детдоме в далеком сибирском городке Венька, Сенька и Тонечка...

– Хм... Ты прямо как сказку рассказываешь!

– А это и есть сказка! Мне Мамасоня много в детстве таких сказок нарасказывала! А ей когда-то – мама с папой.

Катя замолчала вдруг, словно осеклась на полуслове, резко отвернула голову, сглотнула судорожно горлом.

– Эй, ты чего? – дернул ее за толстую рыжую косу Гриша. – Ты чего, рыжик?

– Да так... Пройдет сейчас...

– Кать, а ты от природы такая рыжая?

– Да. А что, некрасиво?

– Наоборот! Сейчас все девчонки специально в такой цвет красятся, а у тебя свое. И коса у тебя такая...

– Какая? – обернулась к нему с улыбкой Катя.

– Толстая-претолстая. Как в сказке про королевишну. Ты всегда так волосы заплетаешь?

– Ага. У нас в классе все девчонки с волосами уже бог знает чего наделали, а мне неохота!

– Почему?

– Так они ж дурью маются, на своих родителей сердятся, протест свой выражают. А мне протестовать не перед кем, вот и хожу себе с рыжей косой. И Мамасоне нравится, и Ленке.

– Я смотрю, ты и глаза тоже не красишь. И губы.

– Ага. Это у нас семейное, наверное, – засмеялась Катя. – Не любим мы себя приукрашивать. Какие есть, такие есть! Умылись – и пошли в мир. Принимайте нас такими, и все тут!

В коляске закричала, проснувшись, Тонечка, вылупила удивленно-бездонные, будто промытые голубым светом глазки. Щечки ее покрылись нежным и румяным младенческим загаром, кудрявые русые волосы задорно топорщились из-под панамки в разные стороны. Не ребенок – ангел чистый!

– Ты проснулся, котенок мой? – засуетилась вокруг нее Катя. – Ну, вставай, вставай. Давай, потопай немножко по дорожке. Пойдем свои маленькие делишки сделаем вон за тем кустиком, пока никто не видит. Сейчас домой пойдем, обедать будем. И дядю Гришу тоже накормим. Пойдешь с нами, дядя Гриша?

– А то! С такими красивыми девчонками – да хоть на край света! – расплылся в улыбке Гриша и, помахав близнецам

рукой, весело крикнул: – Эй, мужики, пошли быстрее, нас тут дамы на обед пригласили.

– Это твоя сестра, да? – показал Гриша на большую фотографию, просунутую между стеклами старой «стенки».

– Да. Это Леночка. А вот это Мамасоня.

– Симпатичные... Только разные совсем.

– Ага.

– А в твоей сеструхе что-то и правда есть такое... Как бы это выразиться... Трогательно-умное, вот! Интересная, должно быть, девчонка. С изюмом.

– Надо говорить – с изюминкой.

– Нет. Вот именно – с изюмом! Тут одной изюминкой и не отделаешься. Слушай, Катерина, мне вдруг одна мысль в голову пришла... А давай ее с нашим соседом познакомим!

– С каким еще соседом? Как это? Ты что, Гриш? Странный ты какой! То ремонт, то сосед...

– Да классный же мужик! Он совсем один живет. Год назад к нам в дом переехал. Высокий, красивый, бородатый! Только почему-то угрюмый всегда. И дома редко бывает.

– А он кто?

– Не знаю. Надо у матери спросить. А лицо у него, знаешь, такое... В общем, твоей сестре точно понравится!

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнесла Катя, улыбаясь. – Я ведь ее за абы кого еще и не отдам! Ты мне его покажи как-нибудь, ладно?

– Ага. Только говорю – он редко дома бывает. Наездами в основном. Ну ладно, не хочешь соседа, давай тогда ей ремонт сделаем! Смотри, какие стены ободранные! Да и вообще... Неуютно как-то у вас, невесело. Давай сюрпризом, а? Квартира же однокомнатная, тут работы – на один день! С утра пришли – мебель на лестничную клетку вынесли. Потом все сделали – мебель обратно внесли. А? Идет? И вообще – комната достаточно большая, можно много чего напридумывать. У тебя рулетка есть? Ну, металлический метр такой. Принеси-ка...

Гриша обошел комнату, заглянул внимательно в каждый ее угол, померил там и сям, задумчиво почесал затылок, побормотал что-то себе под нос и, хитренько взглянув на Катю, вынес свой окончательный вердикт:

– Все! На днях начинаем ремонт. Завтра я обзвоню кое-кого, подумаем еще, посоветуемся...

– Ты что, Гриш? А дети? – спросила недоверчиво Катя. – Куда мы детей денем, если ремонтом займемся?

– А что дети? Мы к каждому по отдельной няньке прикрепим, головой отвечать заставим! Да и работы тут действительно на один день, если подойти умеючи... Не бойсь, Катерина, все будет здорово! Вот увидишь!

* * *

Изо всех сил наострив уши и даже высунув язык для пу-

щего усердия, Ада замерла в кухонном дверном проеме, бросив на произвол судьбы подгорающие на сковородке котлеты. Черт, ничего не слышно... Уже двадцать минут подряд Толик разговаривал по телефону со своей мамой, ее будущей свекровью. Только разговаривал странно как-то – одними междометиями. Все только «да» и «нет», все только «ах» да «ох». Услышав его короткое «пока, мам», Ада на цыпочках рванула к кухонному столу, принялась старательно крошить овощи для салата. Подняв на вошедшего на кухню Толика распахнутые старательно-наивные глазки, улыбнулась кокетливо:

– Как дела, милый? Я слышала, будто телефон звонил... Или мне показалось?

– Да, я с мамой сейчас разговаривал, – опустил на стул напротив Ады Толик.

– Правда? Ну и как она?

– Да с ней-то все в порядке... – махнул вяло рукой Толик. – С моей бывшей опять проблемы! Впрочем, как я и предполагал.

– А что такое? – нарочито-участливо спросила Ада.

– Да плохо у нее все. Детсад же на ремонт закрыли, детей девать некуда... И сидеть она с ними не хочет! Вызвала в няньки из своей тьмутаракани сестру младшую – хамоватую такую малолетку. Ей же семнадцать всего! Ну разве можно ей детей доверить? Вот так я и знал – без меня там все кувырком пойдет! Ну что за женщина, скажи? Никакой само-

стоятельности, никакого чувства собственного достоинства. Сидит и ждет, когда я приду и решу все ее проблемы! Курица... Мама говорит, у нее такой вид убитый – хоть завтра в гроб клади. И дети совсем не ухожены. Черт, придется идти.

– Конечно, сходи, милый. Это же твои дети... – сочувственно понизив голос, с придыханием произнесла Ада. – Вот сейчас я накормлю тебя ужином и иди. Только не бери все это слишком близко к сердцу! Ты у меня такой ранимый!

– Спасибо, Адочка. Какая ты у меня замечательная! Ты знаешь, редкая женщина так хорошо понимает своего мужчину.

Плотно поужинав, Толик, не торопясь, прошелся пешком до своего бывшего дома. Посмотрев на часы, обнаружил вдруг, что время как-то незаметно подскочило к позднему вечеру – дети еще полтора часа назад, должно быть, спать уложены. «Ну, это и к лучшему! – решительно распахнул он дверь подъезда. – Зачем их лишней раз травмировать своим приходом? Еще истерику закатят, потом их от себя не оторвешь».

Дверь ему открыла Лена. Посмотрела грустно и отрешенно, улыбнулась через силу, отвела руку в сторону – проходи, мол. Толик молча прошел на кухню, уселся по-хозяйски на свое бывшее законное место – между столом и холодильником, у окна.

– Дети спят? – спросил деловито.

– Спят, конечно, – тихо прошелестела Лена.

– Ну, как вы тут?

– Да ничего... Катюша вот приехала, помогает.

Лена улыбнулась, снова замолчала, тихо и грустно разглядывая Толика.

– Ну что, что ты смотришь на меня так страдальчески?! – громко, с надрывом произнес Толик. – Хватит уже! Привыкай жить одна! Ты же не думаешь, что я навеки должен завязнуть в этом болоте? И не смотри на меня так – не пробьешь на жалость, все равно не вернусь.

– Как, как она на тебя смотрит? – послышался в дверях кухни возмущенный Катин голосок. – Страдальчески? А как она должна на тебя смотреть, по-твоему? С восхищением, что ли? Тоже мне, Казанова хренов!

– Катя! – повернулась к ней укоризненно Лена. – Не надо! Не вмешивайся, ради бога.

– Да-а-а... – многозначительно протянул Толик, оглядывая Катю с головы до ног. – Воспитанием ты, Катерина, никогда не блистала... Да и то, надо сказать, кому и воспитывать-то было. Только запомни – ты сейчас не в своей деревне находишься, девочка! Ты у меня в доме находишься! И я не позволю...

– Слушай, ты зачем сюда на ночь глядя приперся, а? Меня правилам хорошего тона учить? Если хочешь с детьми пообщаться – пораньше приходи, пока их спать не уложили. Так что давай-ка, чеши отсюда! Нечего Ленку добивать окончательно! Она и так на работе устает.

– Елена, немедленно уйми свою родственницу! – повернулся к Лене возмущенный Толик. – Ужас просто, как распустили девчонку!

– А ты не командуй тут, понял? – не унималась Катя, лихо уперев руки в бока. – Если свалил отсюда – и не командуй! Ленка и без тебя разберется, как и что!

– В чем это она разберется, интересно? – ухмыльнулся довольно Толик. – Ты посмотри сначала на свою сестру повнимательнее! В чем она вообще, в принципе, может разобраться? Кроме как молчать да страдальчески улыбаться, давя на жалость, ничего и не умеет.

– Да ты-то откуда знаешь? – чуть не заплакала от нахлынувшей обиды за сестру Катя. – Просто она очень добрая, еще и жалеет тебя, придурка такого.

– Ну, Катерина, насчет жалости – это уже перебор, – снова ухмыльнулся Толик. – Я понимаю, конечно, тебе за сестру обидно. Кстати, и ты привыкай, – нарочито-глумливо вздохнул он, – практически все женщины хоть раз в жизни оказываются в роли брошенных.

– Слушай, уходи отсюда... – яростно сжав кулаки, тихо прошептала Катя. – Уходи! Без тебя как-нибудь обойдемся! И детей сами поднимем, и воспитаем сами...

– Да уж, сами вы... – поднимаясь со стула, коротко хохотнул Толик. – Чего вы можете, сами-то? Деревня...

В комнате тревожно захныкала, проснувшись, Тонечка, заставив Лену молнией метнуться мимо стоящей в дверях

Кати. Толик тоже с достоинством прошествовал мимо нее в прихожую, мельком оглядел себя в большое зеркало и, уже взявшись за ручку двери, громко произнес в сторону комнаты:

– Елена, денег я тебе в следующий раз принесу. Я кошелек с собой не захватил – дома забыл совершенно случайно.

– Лучше бы ты себя дома забыл совершенно случайно, – в спину ему насмешливо проговорила Катя, – а сюда, к нам, свой кошелек отправил. Больше бы пользы было!

– Кать, прекрати! – громко прошептала ей из комнаты Елена.

– И правда, чего это я развоевалась? – тихо сама у себя спросила Катя, когда за Толиком захлопнулась наконец дверь. – Мечу и мечу бисер, и перед кем, главное.

– Чего ты бормочешь себе под нос? – выйдя из комнаты и тихонько прикрыв за собой дверь, с улыбкой спросила Елена. – Все еще с Толиком разговариваешь?

– Да ну, Ленка, не нужен он тебе! Сидит, рисуется перед самим собой – смотреть противно! Насквозь весь изгордился. Майский день у него, именины сердца! Надо же – страдают по нему здесь... Целый маленький спектакль устроил. Жди меня, и я вернусь.

– Да ладно тебе, Катерина! Чего ты разошлась так? Светка же тебе все объяснила – натура у него такая. Чтоб все так же, как у Павлика.

– А это хорошо, да? Это, выходит, нормально? А если зав-

тра этот ваш Павлик к Светке вернется с раскаянием? И Толик тогда к тебе прибежит?

– Значит, и Толик прибежит... – усмехнулась грустно Лена. – Что ж с ним теперь делать – он такой.

– А ты что – простишь его, что ли? – ужаснулась Катя.

– Кать, да он просто несостоявшийся неудачливый человек, вот и все. И очень самолюбивый. На него и обижаться-то грех.

– Так тем более! Ну его вообще, Лен! А?

– Не знаю, Катюш. Я теперь уже вообще ничего не знаю... Устала я. Растерялась. В себя еще не пришла...

– Так и давай уже, приходи быстрее! Да и надо тебе нового мужа искать! Какие еще твои годы!

– О чем это ты, Катерина? – от души вдруг рассмеялась Лена. – Какого такого нового мужа? Ой, глупая ты у меня какая!

– И ничего не глупая!

– Нет, котенок, ты еще маленькая и глупенькая, – вздохнула тяжело Лена, – нового мужа какого-то придумала. Пошли лучше спать, фантазерка! Завтра нам вставать рано.

* * *

– Мам, нам с Катериной серьезно поговорить с тобой надо! – огорошил мать Гриша, едва ступив в прихожую. Из-за плеча его выглядывала Катя, улыбалась загадочно.

– Господи, что случилось у вас? Не пугайте меня, ребята... – прижала руки к груди Анастасия Васильевна. – Проходите на кухню, я ужин стряпаю. А где дети, Катюша?

– Да сегодня Леночка пораньше с работы отпросилась, меня погулять отпустила, – заходя следом за Гришей на кухню, охотно пояснила Катя. – Ой, у вас сегодня пироги-и-и. А с чем, Анастасия Васильевна?

– Да со всем на свете, деточка! И с луком с яйцами, и с печеню, и с клубникой... Сейчас, которые в духовке, подойдут уже. Потерпите немного.

– Ой, как хочу-у-у... – подпрыгнула на кухонном стульчике Катя. – Как я по пирогам соскучилась! Мы же с Мамасоней тоже все время стряпаем чего-нибудь, а здесь с малышами вечно времени не хватает.

– А о чем вы поговорить хотели, ребята? – осторожно спросила Анастасия Васильевна, через стекло заглядывая в духовку.

– Да мы не поговорить, мы, скорее, посоветоваться хотели... – замялась вдруг Катя и выжидательно посмотрела на Гришу. – Ну давай, ты ж сам предложил.

– Мам, а скажи, наш сосед, он и правда не женат? Почему он все один да один? Жалко же! Хороший такой мужик... Может, мы его как-нибудь с Катиной сеструхой познакомим, а?

– Зачем?

– Ну... Так... – пожал неопределенно плечами Гриша. –

А чем черт не шутит, может, они друг другу понравятся? Бывает же...

– Значит, решили свахами заделаться? – засмеялась Анастасия Васильевна весело. – Ну-ну... Ой, насмешили вы меня! Эх, молодость, молодость! Как просто все у вас.

– Мам, ну попытка же не пытка, чего ты! Пропадает же мужик один! Вот и взгляд у него какой-то грустный всегда, и лицо будто деревянное, неживое.

– Да не пропадает он, ребятки... – тяжело вздохнула Анастасия Васильевна, садясь напротив них за кухонный стол. – Тут другое. У него, знаете ли, год назад жена вместе с маленьким сыном погибли. Полгода назад к нему сюда мать из другого города приезжала, вот она мне все и рассказала. А плакала как – смотреть больно было! Все боялась, что он тут один совсем после такого горя свихнется. И присмотреть меня за ним просила. Помните, такая телеведущая была известная – Анастасия Багорова? Слышали? Ну вот... Это его жена и есть. Вернее, была. Он, как их схоронил, сразу квартиру поменял, в наш дом вот переехал. У него с тех пор даже и вещи неразобранные стоят. Я предлагала ему помочь, так он отказался.

– Вон оно что... А я и не знал... – покачав головой, протянул Гриша. – А сам он кем работает?

– Да оператором там же, на телевидении. Они вместе с женой на одном канале работали. Так что вы оставьте эту идею, ребятки. Он к себе, надо полагать, и близко-то нико-

го не подпускает. Я несколько раз видела, как дамочки, все из себя такие модницы-раскрасавицы, в дверь его названивали – никому не открыл! Хоть и дома был в это время. Он же мужик видный, красавец писанный, как с картинки какой, вот они и охотятся за ним толпами. И вообще, он очень редко дома бывает. Я иногда захожу к нему по-соседски, все горячим чем-нибудь пытаюсь накормить, как мать-то его просила. А он, знаете, вежливый такой, благодарит всегда. Только видно – тяжело ему, бедолаге, приходится.

– Что ж, понятно. Жаль, конечно, – развел руками Гриша, – сватовство наше отменяется, Катерина.

– Ага... – грустно подтвердила Катя. – Отменяется...

– Кать, а малыши ваши как? – перевела на другую тему разговор Анастасия Васильевна. – Здоровы?

– Да, все в порядке, спасибо!

– Слушай, а давай-ка мы их в выходной на нашу дачу вывезем, а? У нас же с Гришей небольшой домик в деревне куплен! Пусть по свежей травке побегают, воздухом чистым подышат. И сестру свою зови – всем места хватит. Да, Гриш?

– А что, это идея, между прочим... – задумчиво уставился на мать Гриша. – Только знаешь, мы детей с Леной к тебе отправим, а сами в это время квартиру и отремонтируем...

– Гриш, ну опять ты за свое! Чего ты неугомонный какой? Видишь, со сватовством твоим как неловко получилось, – замахала на него руками Катя.

– Да с ним бесполезно спорить, Катюшка! – любовно про-

вела по ежику волос на голове сына Анастасия Васильевна. – Уж если задумал чего, никогда не отступится. Так что смиришь, смиришь, Катерина.

– Да я не знаю, поедет ли Ленка на дачу.

– А ты уговори! Скажи, что я очень-очень приглашаю! У нас там хорошо, правда, Гриш? И лес, и речка... И молока козьего можно у соседки купить. И клубника уж вон поспела – собирать некому.

– Спасибо вам, Анастасия Васильевна! Какая ж вы хорошая!

– Да ну тебя, Кать! Чего здесь такого-то? Все мы люди! А ремонт вы ей и в самом деле сделайте! Только не очень модном всяким увлекайтесь, а то я знаю Гришиных друзей – такие все фантазеры-дизайнеры, куда там! Ты присматривай за ними, Катерина, чтоб не повело их куда с идеями-то. Больше пусть под детей подстраиваются, чтоб им поудобнее да повеселее там жить было. А чего папаня-то их, приходит или нет?

– Да, приходил вчера.

– Ну?

– Ой, да лучше б и вообще не приходил, знаете!

– Ну, ты, Катерина, не горячись! Не дави на сестру-то. Это ведь ей решать, не тебе. Детям тоже отец нужен.

– А он ничего и не спросил про детей, Анастасия Васильевна. Пришел, покривлялся да и ушел себе. А Ленка опять всю ночь проплакала, я же слышала... Ох, прямо не знаю,

что с ней и делать! Прямо ума не приложу...

– А что здесь сделаешь, деточка? – подперла рукой щеку, вздохнув, Анастасия Васильевна. – Здесь ничего и не сделаешь. Надо жить дальше да выполнять свои материнские обязанности, и снова учиться жизни радоваться, и прощать учиться, и любить заново. Ничего-ничего, поплачет да и перестанет. А с детьми я всегда помогу! Да и Гриша тоже. Так уж получилось, что не чужая ты нам стала, девочка-рыжуха. Значит, и сестра твоя не чужая будет!

– Мам, знаешь, иногда я до жути горжусь тобой, – тихо проговорил Гриша. – Вот если бы у тебя еще пироги в духовке не горели.

– Ой! – подскочила со своего стула Анастасия Васильевна, метнувшись к плите. – И правда! Заговорили вы меня совсем! Нет, не сгорели, слава богу. Идите руки мойте, да ужинать будем!

– Ур-а-а-а... – взметнув рыжей косой, помчалась первой в ванную Катя. – А можно я буду с клубникой, ладно? Целых два съем! Нет, три! Нет, четыре!

– Господи, ну что за прелесть девчонка... – тихо проговорила ей вслед, обращаясь к сыну, Анастасия Васильевна. – Таких девчонок сейчас днем с огнем не сыскать. Вот бы тебе такую невесту, а, Гриш? Золото ведь, чистое золото...

– Катюш, не пойму я, почему ты с нами на эту дачу ехать не хочешь? – Тихо удивлялась Лена, собираясь в субботу утром под радостный переполох суетящихся под ногами Сеньки с Венькой. – Нас, главное, пристроила на отдых, а сама слиняла...

– Ой, Лен, собирайся пошустрее! Потом будем рассуждать – что да почему. Вон, смотри, Анастасия Васильевна уже из подъезда вышла, вас ждет. На электричку бы не опоздать!

А через каких-то полчаса их маленькая квартира уже всю напоминала разбуженный пчелиный улей – все двигалось, перемещалось, суетилось, смеялось, выкрикивало веселыми мальчишечьими и девчоночьими звонкими голосами. И только на первый взгляд могло показаться, что эта суета напоминает всего лишь хаотическое броуновское движение, – на самом деле, если вглядеться, все происходило по некоему отработанному, заранее продуманному сценарию вплоть до самых незначительных мелочей. Одна группа ребят аккуратно и бережно выносила из комнаты на лестничную площадку вещи и мебель – Катя не успевала складывать в большие целлофановые мешки одежду из шкафов, – другая на освободившемся пространстве уже что-то разворачивала, нарезала, перемешивала клей, краску, еще бог знает

чего... И в сплошном гуле голосов можно было, прислушавшись, уловить звонкую, объединяющую всех нотку – деловую, старательно-творческую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.